

Б.В.МЕЖУЕВ

«ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ» НАЙЛА ФЕРГЮСОНА

Книга известного британского историка Найла Фергюсона «Империя. Становление и упадок британского мирового порядка и уроки для глобальной власти», вышедшая в свет в 2002 г. и переизданная в США в 2003 г., обрела широкую и несколько скандальную известность в США и Великобритании¹. Фергюсон, сравнительно молодой исследователь (он родился в 1964 г.), является автором уже шести сочинений (или даже семи, если включить в список трудов ученого составленный под его редакцией и при его активном участии сборник «Виртуальная история: Альтернативы и допущения»²). Причем все произведения Фергюсона представляют собой добротные исторические исследования, содержащие в большом объеме фактический материал и количественные данные.

Хотя Фергюсон выбрал для себя область исследования, обычно интересующую лишь специалистов, — финансовую политику крупнейших держав Европы в соотнесении с их военными и внешнеполитическими достижениями, практически каждая работа историка вызывала значительный интерес как у критиков, так и у массового читателя. Фергюсон умеет подавать любую выбранную им историческую тему таким образом, чтобы она резонировала с современными событиями и проблемами. Отчасти этому способствует метод

¹ Ferguson N. Empire: The rise and demise of the British World Order and the lessons for Global Power. — N.Y., 2003.

² Virtual history: Alternatives and counterfactuals / Ed. By Ferguson N. — L., 1997.

исследователя: вслед за Максом Вебером Фергюсон — упрямый противник детерминизма — признает не только право, но и обязанность ученого рассуждать об альтернативных путях истории, задавая, к примеру, такие вопросы: что было бы, если бы президент США Кеннеди не был убит в 1963 г. или если бы нацистская Германия оккупировала Англию в 1940 г.?

Именно таким образом построена работа Фергюсона «Горечь войны: Истолковывая первую мировую»¹, которая принесла ему популярность и одновременно вызвала очень серьезную критику коллег-историков. В этой книге Фергюсон доказывает, что Великобритании не следовало вступать в противоборство с Германией в 1914 г., ибо понесенные англичанами жертвы ни в коей мере не были уравновешены территориальными и иными приобретениями. Британия надорвалась в той войне, что и предопределило крах ее империи в XX в. Германия же, стремившаяся, по версии автора, лишь к лидерству в континентальной Европе и устранению опасности, исходившей от России, не угрожала морской мощи Великобритании. Поэтому, вопреки мнению классиков британской геополитики, соглашение между континентальным и океаническим гегемонами, между Бегемотом и Левиафаном, вполне могло бы состояться. В случае неучастия Англии в войне Центральных держав с Францией и Россией и после предсказуемой победы в ней Германии и ее союзников, Европа, по мнению британского историка, к исходу столетия не многим отличалась бы от того, что она представляет собой сейчас, — союза государств, в котором преобладающую экономическую роль играет Германия.

Уже по этой наиболее сенсационной и провокативной книге Фергюсона можно было почувствовать, какое значение в исследовательской программе ученого имеет феномен Британской империи. Именно утрата Англией своей империи выявляет для исследователя ошибочность стратегии Лондона в 1914 г. В следующем его сочинении «Денежная связь: Финансы и власть в современном мире» тема политики империи и ее финансово-экономического обеспечения вышла на первый план². Фергюсон попытался опровергнуть попу-

¹ Ferguson N. The pity of war: Explaining the World War I. — N.Y., 2000.

² Ferguson N. The cash nexus: Money and power in the modern world, 1700–2000. — N.Y., 2001.

лярную точку зрения, что имперское могущество, требующее значительных затрат, перерасходует и приводит к истощению экономический потенциал страны, обрекая тем самым ее граждан на нищету и отсталость. Напротив, согласно точке зрения Фергюсона, ведение масштабных войн создает новые экономические институты и в том числе прогрессивные способы кредитования государства для выполнения его увеличивающихся, с принятием на себя имперской миссии, функций. Таким образом, не политика приспосабливается к экономике, а экономика к политике. Соединенные Штаты — наиболее могущественная держава XXI в. — могут пострадать не от перенапряжения, как полагают американские либеральные и консервативные изоляционисты, а, напротив, от недонапряжения, от неспособности (и, главное, нежелания) реально выполнять имперскую миссию, изыскивая для этого дополнительные финансовые средства.

Итак, Америка для Фергюсона — прямая наследница Британской империи, не желающая, однако, к его сожалению, принимать это наследие. Как видим, в работе «Денежная связь» Фергюсон вплотную приблизился к тем выводам, которые он сделал в книге 2002 г. «Империя».

«Империя» — из разряда тех литературных сенсаций, которые не могли рано или поздно не состояться. Кто-то должен был, откинув табу политкорректности, произнести очевидные истины об имперском прошлом европейских держав — о том, что без такого прошлого не было бы ни современного мира, в котором значительная часть человечества ведет более или менее сносное существование («Империя» в первой редакции вышла с подзаголовком «Как Британия создавала современный мир»), ни глобального распространения либеральных ценностей, ни, соответственно, самих норм политкорректности и толерантности. Все это — плод «глобализации», осуществлявшейся «белым человеком» в течение нескольких столетий, «глобализации», которая, помимо разного рода ужасов и жестокостей, способствовала повсеместной отмене рабства и созданию международного правового порядка.

Фергюсон прямо не высказывается против деколонизации, совершившейся в 1940–1960-е годы под воздействием национально-освободительных движений в колониях и политики гегемонов поствоенного мира, США и СССР, строивших, согласно заветам Вильсона и Ленина, новый политический универсум, в котором не было

места старым колониальным империям. Однако очевидно, что «Империя» — это в первую очередь выпад в сторону США, это упрек стране, которая, как наглядно продемонстрировали события 2003 г., оказалась неспособной создать новый, более совершенный мировой порядок на обломках старого, колониального. Не желающие признавать себя империей Соединенные Штаты оказались, в конце концов, вынуждены исполнять традиционную имперскую работу, в частности, по смене «плохих» правителей на «хороших». Однако, как подчеркивает Фергюсон, США выполняют имперскую миссию без всякого кипплинговского восторга, неохотно и неохотно. Они, например, не вводят прямое («генерал-губернаторское» или оккупационное) правление на завоеванных территориях на продолжительное время и стремятся при первой же возможности вывести войска из «горячих точек», не подвергая риску жизни американских солдат.

У Фергюсона нет ни малейшего сомнения в оправданности всех действий Соединенных Штатов против их противников в разных частях света — от Балкан до Ближнего Востока. Он критикует США как тот католик, который считает, что римский папа недостаточно свят. США для него — это империя, отказывающаяся считать себя империей. Империя, не желающая жертвовать своим нравственным спокойствием и материальным благополучием ради того, чтобы весь мир стал менее опасным для существования. Это — военная держава, которая, вопреки мнению писателя Гора Видала, автора книги «Почему нас ненавидят?», пытается избежать перспективы ведения «вечной войны для достижения вечного мира». И потому, добавим мы за автора, не справляется, в отличие от Британии, с той ролью, которую возложили на нее Бог и история.

Чтобы оценить степень провокативности тезисов Фергюсона, следует принять во внимание ту дискуссию об империи, которая к моменту выхода в свет американской версии его книги, в преддверии интервенции англо-американской коалиции в Ираке уже велась на страницах ведущих изданий США. 5 января 2003 г. в центральном органе либерального истеблишмента США газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья профессора Гарвардского университета Майкла Игнатъеффа. Статья носила выразительный заголовок «Бремя» (с явной отсылкой к известной фразе Р.Киплинга о «бремени белого человека»). Смысл статьи заключался в том, что Соединенным Штатам следует приготовиться к выполнению трудной, но почетной

«империалистической» миссии расширения пространства свободы и демократии и защиты прав человека на всем земном шаре. Полагая, что понятие «империи» требует исторической реабилитации для американцев, Игнатъефф тем не менее утверждал, что стратегия «новой империи» должна коренным образом отличаться от политики колониальных держав Европы, руководствовавшихся не идеалистическими мотивами, а корыстными интересами. Примерно те же идеи на страницах другой влиятельной газеты — «Уолл-стрит джорнал» уже около двух лет развивал неоконсерватор Макс Бут, заявивший в 2001 г., что «доза американского империализма, возможно, явилась бы лучшим ответом на террористическую атаку»¹. При этом Бут, подобно другим неоконсерваторам (Динешу О'Сузе или Чарльзу Краутхаммеру), ссылался и на позитивный опыт колониальных империй прошлого, обеспечивавших наилучшим образом на подчиненных им территориях порядок и безопасность.

Сама по себе реабилитация империи и даже империалистической политики европейских держав еще не могла придать книге Фергюсона остроту и сенсационность. Необходимый эффект был обеспечен тем, что британский историк позиционировал себя в книге не как апологет «американской империи», а как ее критик, но только критик справа, а не слева. Если для Игнатъеффа Америка переросла по уровню политического самосознания прежние мировые державы, и Британию в частности, то для Фергюсона она во многих отношениях уступает некоторым из них и в особенности своей предшественнице в деле «англоглобализации». Дело в том, что Америка импортирует, а не экспортирует капитал, и она является приемником, а не источником миграции. У Фергюсона, как апологета имперской политики, вызывает беспокойство и то, что США стыдятся своей имперской роли, ее граждане не проявляют рвения покорять мир и жертвовать ради подобной задачи своими жизнями, а власти вынуждены считаться с далеко не милитаристскими настроениями рядовых избирателей.

Именно этими обстоятельствами объясняется неустойчивый, нерегулярный характер иницилируемой США экономической глобализации, т.е. свободного течения капиталов и товаров. Глобализация, способствуя хозяйственному развитию мира, не препятствует,

¹ Цит. по: Harvey D. The new imperialism. — Oxford, 2003. — P. 4.

однако, политической фрагментации человечества. Но эффективный рынок — в том числе и в глобальном масштабе — требует эффективного государства, а таковым государством в настоящее время может являться только «американская империя». Только Америка в состоянии играть роль «имперской державы», только она может утвердить в мировом масштабе приоритеты свободного рынка, страдающего от неустойчивой, потенциально уязвимой перед ударами международного терроризма политической конструкции миропорядка. Фергюсон скептически относится к разделяемой известным британским дипломатом Робертом Купером надежде на трансформацию Европейского союза в «империю нового типа», основанную на федералистских началах и «принципе добровольного согласия», так же как и к идее наделить ООН или Совет Безопасности статусом «мирового правительства». «По простой причине — для исполнения этой роли ни у кого из них нет достаточных финансовых и военных ресурсов. Объем текущих расходов Организации Объединенных Наций и всех связанных с ней структур составляет около 18 млрд. долл. в год, что приблизительно равно 1% федерального бюджета Соединенных Штатов. В свою очередь, общий бюджет Европейского союза — немногим более 1% от общеевропейского ВВП, тогда как расходы национальных правительств от ВВП своих стран — чуть менее 50%. Учитывая все это, можно утверждать, что и ООН, и ЕС напоминают не столько Рим императоров, сколько Рим Папы, о котором Сталин, как известно, спрашивал: «А сколько у него дивизий?». Итак, единственным полноценным кандидатом на занятие вакантной должности мировой империи остаются, по мнению Фергюсона, Соединенные Штаты, которые, однако, не желают взваливать на себя «имперское бремя»¹.

Фергюсон, безусловно, стремится к исторической реабилитации Британской империи. До некоторой степени это оправдано как восстановление баланса после безраздельного доминирования постколониального дискурса, в котором все империи представлялись исключительно в мрачном свете. Однако несмотря на делаемые им оговорки относительно рабства, долгое время сохранявшегося в пределах империи и не изжитого до конца расизма, Фергюсон идет за-

¹ Фергюсон Н. Британская империя: Уроки для глобальной власти // Космополис, — М., 2003 — №3 (5), — С. 21.

метно дальше раскрытия многогранности имперской практики и на- следия и опасно приближается к апологетике Британской империи. Именно с этих позиций он и предлагает США принять на себя роль империи и «поучиться» у Британии исполнению этой роли.

Перечисляя различия двух англосаксонских империй — британской и американской, Фергюсон почему-то упускает одно, казалось бы, наиболее очевидное несходство, а именно то, что империя британцев была всего лишь одной из нескольких империй, существовавших в мире, тогда как глобальное могущество США в настоящее время не может быть оспорено никакой конкурирующей военной силой. Наряду с британским мировым порядком продолжали существовать французский, испанский, голландский, усиливался российский, начинал воссоздаваться немецкий. Сегодня пока наличествует один — американский.

В рецензии на сборник статей американских ученых «Two Hegemonies: Britain 1816–1914 and the United States 1941–2001», Фергюсон доказывает, что ситуация «глобального гегемонизма» Соединенных Штатов не беспрецедентна: еще с большим правом «глобальным гегемоном» XIX в. могла считаться Британия. Едва ли такое сопоставление убедительно: упадок Британии в позапрошлом столетии означал бы гегемонию в Европе какой-то одной из континентальных держав, немедленный крах Соединенных Штатов в настоящее время может привести к фрагментации мировой политической системы. Ведь Фергюсон прав в том, что ни Европейский союз, ни какая-либо другая региональная держава не обладает стремлением и ресурсами для осуществления имперской политики в Азии и Африке. Положение Америки в мире на самом деле, как подчеркивают близкие Фергюсону неоконсерваторы, абсолютно уникально для истории. Ничего подобного человечество не знало со времен конца Римской империи.

Фергюсон — не политолог, он считает себя академическим историком, тем самым заранее отводя возможные претензии к политическим импликациям, вытекающим из его текста. Но как публицист, регулярно пишущий на актуальные темы в различных британских и американских газетах, он, конечно, должен был бы яснее сознавать политические следствия, вытекающие из его аналогий, и, главное, настойчивых требований к американцам эти аналогии признать.

17 июля 2003 г. в Американском институте предпринимательства состоялась публичная дискуссия Фергюсона с политологом Робертом Каганом, одним из «ястребов», ратовавших за интервенцию в Ирак и наказание непокорной Европы¹. Фергюсон упрекал своего оппонента, и вместе с ним всю американскую элиту, в нежелании называть вещи своими именами и упорном стремлении вместо слова «империя» пользоваться эвфемизмами типа «униполярность», «мировое лидерство», «глобальная гегемония». Каган, между тем, лучше Фергюсона понимает и различия в мировой роли Британской империи и современных США, и все неудобства, вытекающие из принятия на себя клейма империи, которых США и стараются избежать с помощью перечисленных терминов.

Аналогии Фергюсона далеко не так однозначны, как кажутся на первый взгляд. Функция Англии в концерте европейских держав состояла в противодействии континентальному единству, по сути, в противодействии появлению такой силы, которая была бы в состоянии объявить себя ответственной за весь мир. (Показательно, что Фергюсон критически относится к одному из наиболее отчетливых проявлений именно этой политики — вступлению Англии в Первую мировую войну.) Так что у Кагана были основания не соблазниться «сомнительным» для него наследием королевы Виктории, кабинет которой представлял собой что угодно, но только не мировое правительство.

Любопытно, что в опубликованной на веб-сайте газеты «Slate» 6 мая 2004 г. открытой переписке Фергюсона и Кагана² последний прямо указывает на проявившуюся в столкновении с Наполеоном и Гитлером неспособность Британии противостоять в одиночку гегемонистским проектам, исходящим из наиболее могущественных государств континентальной Европы — Франции и Германии. Для Кагана это свидетельствует о том, что «имперская» идеология, развиваемая Фергюсоном, бесполезна для поддержания глобальной гегемонии, к которой надлежит стремиться Америке.

¹ См.: The United States is, and should be, an empire // A New Atlantic initiative debate. 17 July, 2003. Mode of access: <http://www.aei.org/events/filter..eventID.428/> transcript.asp

² American power, past and present — Our Legitimacy Problem. Mode of access: <http://slate.msn.com/id/2099751/entry/2099900>

В дискуссии с Каганом 2003 г. Фергюсон характеризует США как «неудачливую империю» на том основании, что осуществлявшиеся этой страной военные интервенции редко приводили к желаемым результатам. Лишь в четырех из шестнадцати стран, в которые США вторгались после 1898 г., возникал устойчивый демократический порядок: в Западной Германии, Японии, Панаме и на Гренаде. В некоторых иных случаях последствия интервенции нередко были плачевными — стоит вспомнить Вьетнам или Гаити. Фергюсон считает, что одна из главных причин неэффективности американских интервенций — в стремлении США избежать длительного и массивного оккупационного присутствия. Он призывает американцев брать пример с Британии XIX и XX вв., которая «не стеснялась» открыто и надолго устанавливать прямой имперский контроль. Но в том то и дело, что при всей военной мощи США они, в отличие от империй нового времени, предпочитают не прямые меры воздействия и контроля, будь то экономические или политические. Можно сказать, что сам факт необходимости прямого военного вмешательства в той или иной точке в рамках американской стратегии сам по себе уже означает сбой. По сути дела, Фергюсон не увидел или не захотел увидеть принципиального различия методов проекции имперского влияния времен британского имперского величия и тех, что используются в современном мире формально независимых государств, дискурса о правах человека и демократических ценностях.

В дискуссии с Каганом в своем последнем письме Фергюсон сообщает, что оставляет Америку, где он в течение нескольких лет преподавал в Нью-Йоркском университете, и возвращается в Британию. Искренняя любовь к «славному имперскому прошлому» Британии, недооцененному ее трансатлантической союзнице, ведет историка к двум по сути взаимоисключающим утверждениям: о необходимости для Вашингтона взять на себя «имперскую миссию» и о необходимости для него же считаться с интересами своих друзей и партнеров, Великобритании в первую очередь, заботиться о «международной легитимности своих действий». На это противоречие и указывает Каган в переписке с британским историком, который в своей последней книге «Колосс», проследив историю имперского развития Соединенных Штатов, назвал эту страну хорошо знакомым российским избирателям термином «*либеральная империя*». Каган все время задает Фергюсону один и тот же абсолютно правомерный во-

прос, на который не получает никакого ответа: почему объявление Америкой себя «либеральной империей» будет способствовать международному (или европейскому) признанию ее действий. После безуспешных попыток услышать на этот счет мнение своего корреспондента Каган в последнем письме говорит о том, что не знает оптимального способа улучшить американско-европейские отношения: «Не удивительно, что когда речь заходит о преодолении имеющегося на сегодняшний день кризиса легитимности, мы все отделяемся краткими фразами. Ваша «либеральная империя», как я вижу из Вашего молчания, не дает ответа <...> И моя собственная идея «большой торговли», в ходе которой Соединенные Штаты сократили бы степень своего влияния [на внутриевропейские дела], а европейцы в обмен на это стали бы видеть мир сквозь американские очки, разделяя в большей мере американские представления об угрозах и способе их преодоления, кажется на этот момент не намного более перспективной». По сути дела Каган признает в этом рассуждении имперский характер политики США, в том числе и в Европе — ведь его «предложение» сводится к ослаблению американского влияния на внутреннюю политику ЕС взамен на большую лояльность Европы во внешнеполитической сфере. Но Каган вполне логично недоумевает, почему формальное признание Вашингтоном имперских черт его политики может помочь в преодолении кризиса легитимности политики США.

Последняя книга Фергюсона «Колосс: Цена американской империи» восстанавливающая историю экспансии Соединенных Штатов от эпохи независимости до настоящего времени, уже не вызвала резонанса, аналогичного «Империи»¹. Ее выводы были предопределены для читателя предыдущими публикациями историка в американской печати, об «американской империи» к этому времени не писал в США уже только ленивый, и сама тема не могла никого привлечь своей оригинальностью. Призывы Фергюсона к строительству «либеральной империи» и сохранению твердости в ситуации спорадических выступлений антиамериканских сил в Ираке звучали неприемлемо и для либералов (к этому времени уже проводивших черту

¹ Ferguson N. Colossus: The price of America's empire. N.Y., 2004.

между своей позицией и дискурсом Майкла Игнатъеффа¹), и для неоконсерваторов. Либералы сейчас надеются на то, что смена команды в Белом доме поправит отношения США с союзниками, спасет положение в Ираке и поможет улучшить образ США на международной арене. Неоконсерваторы негодуют на американскую администрацию за то, что она сразу же не передала власть в Ираке в руки контролируемой Пентагоном оппозиции и тем самым полностью дискредитировала проект создания новой «арабской демократии». В этой ситуации «либерально-имперская» проповедь Фергюсона, предполагающая формализацию американской оккупации Ирака, выглядит неуместно даже для его ближайших союзников в Вашингтоне и Нью-Йорке.

¹ См., например, недавнюю статью ведущего либерального публициста Энтони Льюиса «Буш и меньшее зло», посвященное разбору последней книги М.Игнатъеффа. — Режим доступа: <http://www.nybooks.com/articles/17111>